

СТИВ ДЖОНС

ПРЕДИСЛОВИЕ
КРИССИ
ХАЙНЯ

ПРИ УЧА-
СТИИ
БЕНА
ТОМП-
СОНА

18+

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ
ЛЕКСИКУ

ОДИНОКИЙ
МАЛЬЧИШКА
АВТОБИОГРАФИЯ
ГИТАРИСТА

SEX PISTOLS

Иконы мировой музыки: жизнь по ту сторону сцены

Стив Джонс

**Одинокий мальчишка.
Автобиография
гитариста Sex Pistols**

«ЭКСМО»

2017

УДК 785(410)

ББК 85.318(3)

Джонс С.

Одинокий мальчишка. Автобиография гитариста Sex Pistols / С. Джонс — «Эксмо», 2017 — (Иконы мировой музыки: жизнь по ту сторону сцены)

ISBN 978-5-04-180181-6

Без группы Sex Pistols не было бы панка. А без Стива Джонса не было бы Sex Pistols. Именно Стив, который вместе со своим школьным другом Полом Куком сколотил группу, ставшую известной как Sex Pistols, и был лидером этого коллектива. Современный «диккенсовский» рассказ Стива начинается на улицах западного Лондона, где он, будучи одиноким беспризорным мальчишкой, жил на сомнительные расходы, занимаясь мелкой кражей и хулиганством. Услышав глэм-арт-рок Дэвида Боуи и группы Roxy Music, Стив загорелся идеей стать музыкантом. Он был одним из первых панков-оборванцев, которые в итоге оказались под крылом Малкольма Макларена и Вивьен Вествуд. Книга написана простым языком, но, несмотря на доверительно-веселую манеру повествования, нельзя не почувствовать, что глубокие душевные детские раны Стива так и не затянулись. Он с грустью рассказывает о том, что детство прошло без родного отца и приходилось терпеть домашнее насилие со стороны отчима. Увлечшись еще в юном возрасте музыкой и модой, Стив, по сути, уберег себя от вечной жизни за решеткой. Немалая часть книги посвящена истории Sex Pistols от лица Стива. Эта группа записала всего один альбом, просуществовала около трех лет и нелепым образом развалилась, оставив после себя бессмертное музыкальное и культурное наследие. Книга содержит нецензурную брань В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

УДК 785(410)

ББК 85.318(3)

ISBN 978-5-04-180181-6

© Джонс С., 2017

© Эксмо, 2017

Содержание

Вступительное слово от переводчика	7
Предисловие	9
Часть I. До	10
Глава 1. Ловкий плут	10
Глава 2. Первая папироса	13
Глава 3. Вонь от резины	16
Глава 4. Педофил в подземном переходе	21
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Стив Джонс
Одинокий мальчишка.
Автобиография гитариста Sex Pistols

Steve Jones

LONELY BOY: Tales from a Sex Pistol

© С. Ткачук, перевод на русский язык, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

*Я совсем один,
У меня нет дома.
Lonely Boy, Sex Pistols*

Вступительное слово от переводчика

Панк – уникальный феномен, давший начало культурно-музыкальной революции во всем мире. Его появлению мы обязаны этим четверым мальчишкам из лондонского рабочего класса. Во многом столь маргинальная субкультура могла зародиться лишь в одной стране: в послевоенной Англии, задыхающейся от жуткой бедности, всеобщей безысходности, жесткого классового разделения, серости и безработицы. Герой книги, Стив Джонс, стал не только свидетелем той эпохи, но и одним из ключевых участников тех событий. «Одинокий мальчишка» – невероятно откровенная и увлекательная история одного из пионеров панк-рока. В книге Стив выворачивает душу наизнанку, рассказывая без прикрас правду, о которой многие всю жизнь предпочитают молчать. Но панк всегда был прямолинейной, искренней и бескомпромиссной музыкой, где нет места лжи, лицемерию и страху перед насковзь прогнившей системой, поэтому и автобиография культового гитариста поражает удивительно простым и доступным языком, полностью лишенным цензуры. Мне, как профессиональному переводчику и лингвисту, книга была интересна обилием английского сленга, жаргонизмов и употреблением знаменитого рифмованного сленга кокни. При работе над книгой я старался по максимуму передать манеру повествования и язык Стива Джонса, поскольку за годы посмотрел / послушал не один десяток интервью гитариста и самой группы, несколько фильмов о Sex Pistols, документальных передач, а также, для более объемного восприятия событий того времени, прочитал две книги Джона Лайдона + книгу, состоящую из интервью со всеми участниками группы. Поэтому хотелось бы надеяться, что данная автобиография даст читателю погрузиться в атмосферу того времени и поможет проникнуться симпатией к героям повествования. Скажу честно, после перевода и прочтения книги я еще долго находился под впечатлением.

Этой группе, как сказал Стив Джонс, было не суждено записать второй альбом и отправиться на гастроли. Им было суждено «разбиться и сгореть». Возможно, все могло бы выйти иначе, если бы не два роковых события: совершенно случайное появление Sex Pistols на вечернем телешоу Билла Гранди и решение уволить Глена Мэтлока – талантливого музыканта, тем не менее сыгравшего роль козла отпущения (сильно выделяющегося на фоне других своими консервативными взглядами, поведением и происхождением), взяв на его место эпатажного, легко поддающегося дурному влиянию Сида Вишеса, который, как и его нерадивая мамаша, употреблял героин и прожигал жизнь. Однако окончательный крах наступил с появлением Нэнси Спанджен, дерзкой омерзительной американки, конченной наркоманки, в какой-то степени забравшей с собой в могилу наивного беднягу Сида (в душе так и оставшегося вечным подростком) и группу с крайне нелепым и вместе с тем эпатажным названием – Sex Pistols.

Как уже было сказано, книга написана простым языком, но, несмотря на доверительно-веселую манеру повествования, нельзя не почувствовать, что глубокие душевные детские раны Стива так и не затянулись. Это не просто книга музыканта одной из легендарных панк-групп, а откровение человека с непростой судьбой, продирающегося к личному и душевному равновесию, которое Стиву удалось обрести уже в более зрелом возрасте, разменяв шестой десяток. И что иронично, произошло это именно в Америке, куда Джонс из Лондона – родного, но ставшего ему таким чужим, – перебрался еще в начале 80-х.

Отдельно хотелось бы сказать про наличие обильного количества сносок (примечаний) в книге. Они даны для того, чтобы читать автобиографию Стива Джонса мог не только человек, хорошо разбирающийся в этой музыке и культуре, но и простой обыватель. В сносках содержатся подробные пояснения о многих группах, телепередачах, молодежных культурных движениях, музыкантах и прочих деятелях культуры того времени. Сноски способствуют лучшему, более глубокому, восприятию материала и полному погружению в текст. В процессе

чтения вы увидите, насколько примечания в книге необходимы для создания подробной картины происходившего.

Приятного чтения!

Станислав Ткачук
(переводчик и научный редактор)

Предисловие

Когда мы с ним познакомились, он был подростком. Я не заметила, что он ташил с собой мешок, полный грез и надежд, но так и было. Как и все мы, он хотел играть на гитаре в рок-н-рольной группе. Но ни один коллектив ему не подходил.

Мы зависали с Малкольмом и Вив, прог-рок и вся эта искусственная сахарная вата под названием «Вершина популярности» (*Top of the Pops*) казались нам бессмысленной устаревшей ерундой. Когда однажды вечером он появился на сцене в нигилистическом прикиде в составе Sex Pistols, образ и суровый вид слегка портили переводные наклейки на его гитаре Les Paul.

Он был фанатом Элвиса. Щеглом. Стилягой.

Девушки питали слабость к этому застенчивому хулигану из Западного Лондона, а он и рад был воспользоваться. (На рассвете с ним было небезопасно.) Когда группа развалилась, он поступил как Лемми и свалил в Лос-Анджелес. Практически без гроша в кармане.

Никто и подумать не мог, что он станет ведущим лучшего радиошоу в Калифорнии. Но ведь Джонси всегда был непредсказуем.

Крисси Хайнд, июль 2016

Часть I. До

Глава 1. Ловкий плут

Детство в Западном Лондоне в 1960-е годы ассоциируется у меня с заборами из профнастила и Фордами «Англия», словно из другой эпохи. Весьма необычное зрелище. Всюду шла стройка и валялся строительный мусор – ощущение, что вокруг все рушится. И перелезть через заборы было не так просто. Высотой они были 2,5 метра и края достаточно острые. Подтягиваясь, легко можно порезать руки. Как будто строители нарочно не хотели, чтобы я туда лез и совершенствовал навыки вождения на находящихся под высоким напряжением бульдозерах, желая в щепки разнести деревянные домики. Сраные эгоисты. Только о себе и думают!

В трущобах Шепердс Буш¹ в те дни редко можно было встретить кинозвезд, хотя телестудии BBC находились буквально за углом. Поэтому, когда однажды в 1960-х в конце моей улицы прошел Джек Уайлд – паренек, сыгравший Ловкого плута в фильме «Оливер!»², – я, разумеется, не мог его не заметить. Я и сам к тому времени уже был ловким плутом – по карманам, может быть, не шарил, но умел выгодно загнать украденный велик или совершенно новую железную дорогу, стащив ее со склада в магазине игрушек Hamleys. Но в Джеке я не видел образец преступника. Меня интересовало лишь то, что он знаменит: если бы по моей улице прошла Элси Таннер³ из сериала «Улица Коронации»⁴, я был бы удивлен не меньше.

Мы с ребятами наконец доперли, кто он такой, и стали ходить за ним. Полагаю, в этом не было ничего странного, обычная реакция тринадцатилетнего паренька, увидевшего кого-то из фильма или телика, – желание быть как можно ближе и надеяться, что и тебе перепадет немного волшебства. Но мне всегда приходилось действовать с двойным напором. Один за другим мои кореша расходились, а я все продолжал выслеживать этого мальчика, как будто он был какой-нибудь Питер Пэн. Сегодня не могу ответить себе на вопрос, зачем я это делал. Полагаю, я больше них хотел испытать это особенное состояние, которое давал звездный статус.

Джек Уайлд был на пару лет старше меня, но не сильно больше. Выглядел вполне обычно – он был без своей знаменитой шляпы. Просто, когда чувствуешь себя зажатым в угол и, может быть, немного одиноким и видишь кого-то, кто со стороны производит впечатление человека, у которого все на мази, невольно начинаешь думать, что, если стать к нему хоть немного ближе, все будет хорошо и боль уйдет.

Не знаю, что он думал, видя, как я хожу за ним по пятам. Возможно, его это немного раздражало, особенно заборы по обеим сторонам улицы, через которые он никогда бы не смог перелезть и сбежать. Мы с друзьями считались представителями первой волны скинхедов; слушали мотаун, ска и блю-бит, нам нравилась музыка исполнителей вроде Принца Бастера⁵, которую мы слышали от детишек из Вест-Индии, живших в округе. И если бы Джек обернулся

---

¹ Район в Западном Лондоне.

² «Оливер!» – музыкальный художественный фильм, снятый в 1968 году режиссером Кэролом Ридом, производство Великобритании. Экранизация одноименного мюзикла Лайонела Барта по мотивам романа Чарльза Диккенса «Приключения Оливера Твиста».

³ Элси Грегори – вымышленный персонаж из британской мыльной оперы ITV «Улица Коронации», которого играет Пэт Феникс с начала сериала в 1960–1973 годах, а затем с 1976 по 1984 год.

⁴ Coronation Street (англ.). Британская мыльная опера производства компании Granada Television, созданная Тони Уорреном и стартовавшая 9 декабря 1960 года.

⁵ Сесил Бустаманте Кэмпбелл, более известный как Принц Бастер, а также известный под своим мусульманским именем Мухаммед Юсеф Али, – певец в стилях ска и рокстеди.

и украдкой взглянул на меня – пытаюсь не привлекать к себе внимания, – то увидел бы, как я быстро шагаю в темно-красных «Мартинсах»⁶ с резиновой, почти прозрачной подошвой. Свою первую пару я начищал до блеска. Также на мне, возможно, были модные клетчатые брюки фирмы Sta-Prest или Prince of Wales и одна из накрахмаленных футболок Ben Sherman, за которыми я ходил аж в Ричмонд, чтобы стащить из магазинчика «Лига плюща».

Возможно, Джек облегченно выдохнул, когда через полтора километра я наконец перестал его преследовать. В последующие годы я не раз переступал грань, чтобы сблизиться с теми, кто, как мне казалось, может меня исправить, но к этому времени я еще не начал бухать, поэтому все же какие-то рамки приличия у меня оставались. Совсем скоро Джек Уайлд окажется в Голливуде, но не думаю, что его история будет со счастливым концом. Похоже, многие молодые звезды заканчивают жизнь трагично, разве нет? Слава наносит им травму еще в юном возрасте, но когда кому-то завидуешь, тебе и в голову не приходит, что у них самих могут быть проблемы.

В детстве я любил фантазировать, что у меня другие родители. Видел актеров в фильмах и телешоу и думал: «Почему я не могу быть в их семье?» Диана Дорс, которую считали английской Мэрилин Монро, была одной из них. Я годами размышлял о том, как было бы здорово иметь такую мамочку: «Заберите моих предков, а меня отведите к Диане». И я даже не думал о том, что она настоящая секс-бомба, еще не дорос до таких мыслей. Мне просто не нравилась моя дерьмовая жизнь, и я искал любую возможность свалить из чертовой дыры, в которой жил.

Не то чтобы у меня было ужасное детство. Часто слышишь жуткие истории о том, как дети страдают от гораздо большего насилия и жестокого обращения, чем доставалось мне, и я ни в коем случае не ставлю себя в один ряд с ними. Но знаю, что в детстве мне хорошенько подпортили психику – я до сих пор не оправился. Разумеется, химия в мозгу каждого человека – разная, поэтому одни могут испытать нечто крайне ужасное и не пострадать психологически, а другие – жить как у Христа за пазухой, но при этом считать, что с ними жестоко обходятся. Я могу рассказать лишь о своем опыте и, учитывая, насколько хреновая у меня память, не могу быть на сто процентов уверен в некоторых произошедших событиях.

Понятия не имею, как будет выглядеть моя история на бумаге. Прежде всего, никакой повестки дня у меня нет, за исключением некоторых моментов, которые хочу сразу же прояснить и надеяться, что мне удастся объяснить, насколько связаны друг с другом разные стадии моей жизни. В чем я точно уверен, так это в том, что после всего этого не выйду сухим из воды.

Помнишь эпизод в фильме «Заводной апельсин», когда главного героя заставляют держать глаза открытыми и чувствовать себя как дерьмо каждый раз, когда он вспоминает, какой же он безнравственный мудака? Нечто похожее я испытывал, когда писал эту книгу. Безусловно, меня никто не заставляет ее писать, и в жизни было много классного, но сегодня противно вспоминать старые выходки и поступки, меня чуть ли не тошнит от мысли о том, до какой мерзости я был способен опуститься.

И пусть прошло уже полжизни с тех пор, как я в первый раз бросил пить и принимать наркотики, я по-прежнему иногда просыпаюсь в холодном поту, думая о том, что творил, и гордиться здесь совершенно нечем. Но если бы я делал из мухи слона, возлагая на себя ответственность за каждое свое новое преступление против человечества, книга очень быстро бы тебе наскучила. Поэтому с первых же страниц должен попросить тебя поверить мне на слово, что сегодня я стараюсь не быть совсем уж конченым мудаком, а если кто-нибудь захочет меня осудить, пусть сделает это после финального свистка.

Могу пообещать лишь одно – никому не собираюсь читать мораль и призывать завязать с алкоголем и наркотой. Если кто-то хочет поймать кайф – мне насрать. Я свое уже попробовал, теперь твоя очередь – нажрись до беспамятства и доведи себя до ручки, если так хочется.

---

⁶ Легендарные тяжелые ботинки (как «Камелоты» и «Гриндерс»), часто ассоциирующиеся с панками и скинхедами.

Конечно же, если другим мой опыт покажется близким и каким-то чудом поможет стать не таким засранцем, каким был я, тогда прекрасно. Но я не хочу, чтобы ты думал: «Ой, да этот уебок сам был лютым рок-н-рольщиком, а теперь учит других, как жить». Нахуй эти нравоучения. Этого мне хочется меньше всего. И если я, пойдя по стопам Джека Уайлда, в итоге оказался в Голливуде, это совсем не значит, что я тоже купил билет в один конец в страну грез и фантазий.

Пройдет еще несколько лет, и я встречу собственного Фейгина⁷, также известного как Малкольм Макларен (которому, к слову, нравилось все это диккенсовское дерьмо). И как только это произошло, возникло ощущение, что старина Джек передал эстафету, незадолго до того, как наша веселая группа музыкантов-беззаконников словно в последний раз стала рыскать по карманам звукозаписывающих компаний. Но к тому времени, как до нас дошло, что наш вороватый Свенгали⁸ потратил все награбленное добро на фильм «Великое рок-н-рольное надувательство»⁹ – где объясняется, что идея создать панк, оказывается, принадлежала ему, а мы всего лишь кучка сосунков, не умеющих играть, – мы сами остались в дураках.

А что касается жалкого противного засранца с приятной мордашкой, которому вечно мало... слушай, давай ненадолго оставим Джонни Роттена в покое, ладно? Он уже не раз высказывался. Может быть, даже чересчур много. Теперь моя очередь. Безусловно, без Джона – или Малкольма, Куки, Глена или даже Сида – Sex Pistols бы не появились, но фундаментом стало именно мое дерьмовое воспитание. И я не выделяюсь. Факты – вещь упрямая.

---

⁷ В романе Диккенса «Оливер Твист» – старик, руководящий шайкой юных воришек.

⁸ Свенгали – персонаж романа «Трилби», впервые опубликованного в 1894 году Жоржем дю Морье. Свенгали – мужчина, который соблазняет, доминирует и эксплуатирует Трилби, молодую ирландскую девушку, и делает из нее знаменитую певицу.

⁹ The Great Rock 'n' Roll Swindle (*англ.*) (также можно перевести как «Рок-н-рольная афера века»).

Глава 2. Первая папироса

Родился я в 1955 году – приблизительно в то же время, что и рок-н-ролл. Чувство ритма унаследовал от мамы, Мэри Джонс, которая была стилиягой, потому что, когда она отжигала во Дворце танцев «Хаммерсмит», я сидел в ее чертовой утробе.

Модницы – и модники¹⁰, коим был мой батя – стали первыми в длинной веренице культовых молодежных движений Британии, которые слегка помогали оживить послевоенные годы. Название «тедди-бой» было сокращением от стиля одежды эпохи Эдварда, который они предпочитали (вроде зауженных брюк и длинных курток из драпа). Они первыми начали отрываться под песню *Rock Around the Clock*, когда вышел фильм «Школьные джунгли» (1955). Неудивительно, что у меня столь мощная связь со всеми старыми рокерами того времени – конечно же, это Эдди Кокран¹¹, но не только он.

Лет до шести детство мое проходило довольно спокойно. Ладно! Короче, батя взял да и свинтил, особо не парясь и не дожидаясь моего рождения, а в то время ни в коем случае нельзя было быть тем, кого принято называть «ублюдком». Но вины отца здесь нет. Полагаю, как только он узнал, что мама залетела, тут же свалил. И обстановка в доме казалась мне совершенно нормальной – ущербным я себя не чувствовал. Скорее, даже наоборот. Ты, возможно, спросишь: «Откуда ребенок может знать, что такое “нормальный”, если даже сравнить не с чем?» Но, наверное, просто интуитивно ощущаешь. У меня было так.

Мы с мамой жили с бабушкой Эдит и дедушкой Фредом в квартире на третьем этаже на Риверсайд-Гарденс, в Хаммерсмите. Это такой большой кирпичный жилой район массовой застройки рядом с мостом. Если ехать из Лондона в аэропорт Хитроу по дороге на запад через эстакаду, то слева можно увидеть «Хаммерсмит Одеон» – или «Аполло», как его сегодня называют. Когда съезжаешь с эстакады на магистраль, наши квартиры будут справа. Возможно, все уже по-другому, но когда я последний раз там был (в 2008 году), изменений не заметил.

В квартире жили не только мы четвером, а еще трое детей моих бабушки и дедушки. Я спал в люльке у изножья кровати, на которой дрыхли мама со своей сестрой Фрэнсис. У бабушки с дедушкой имелась своя комната, а дальнюю комнату занимали два моих дяди, Барри и Мартин. Квартира была угловая, поэтому одно большое окно выходило на эстакаду, ведущую к «Одеону» (позже, когда я стану старше, она окажется местом нескольких памятных приключений), а другое окно выходило на противоположную сторону. Лифтов не было, поэтому приходилось подниматься по ступенькам. В общем, тот еще гадюшник. Настоящий район массовой застройки викторианской эпохи – неплохое жилье для обычных работяг, которые могли заработать на хлеб с маслом.

Правда, не знаю, как семья Джонсов умудрялась не отставать от остальных, потому что дед был ленивым мудаком. Поговаривали, что он откосил от Второй мировой, засунув ногу под трамвай и сильно ее покалечив. Не знаю, правда это или нет, но все то время, что я там жил, дед ни дня не работал. Может быть, из-за той же травмы, благодаря которой откосил от армии.

Пока бабушка ходила на работу и драила чужие дома, дед просто сидел на стуле и весь день курил папиросы. Но ему все же удалось прикупить себе тачку – «Остин А40», который заводился с помощью ручки. Припаркованная во дворе прямо под окнами, машина считалась показателем положения в обществе, пусть даже эта колымага вечно ломалась, когда дед пытался отвезти нас в Брайтон. Выходит, не так уж и сильно покалечена нога, раз он мог водить.

---

¹⁰ Тедди-бои – молодежная субкультура, возникшая в начале 1950-х годов в Великобритании, несколько раз переживавшая возрождение в 1970-е и 1990-е.

¹¹ Эдвард Рэймонд Кокран – американский певец, композитор, гитарист раннего рок-н-ролла. В 1987 году включен в Зал славы рок-н-ролла.

Помнится, иногда он усаживал меня себе на колени и давал порулить на парковке – мой первый опыт вождения, еще до совершеннолетия; может быть, поэтому я так люблю машины.

Большинство моих воспоминаний о тех временах счастливые и радостные. Помню, как бабушка мыла меня в раковине или готовила старомодные пудинги на сала¹², когда накрывала миску полотенцем и обвязывала веревкой. Бросала в тарелку изюм, а затем поливала все это сиропом из зелено-золотистой жестяной банки с надписью Tate & Lyle. Много из того, что произошло на прошлой неделе, тут же вылетело из головы, но я до сих пор, спустя пятьдесят пять лет, помню этот восхитительный вкус пудинга на языке, будто ем его прямо сейчас.

Бабушка меня не баловала, просто делала то, что и любая бабушка (или родители, если на то пошло), – воспитывала, я полагаю, растила, так это вроде называется. В это время я не очень хорошо помню маму, хотя она была рядом. В квартире жило очень много народу, поэтому легко можно было кого-то упустить из виду, но я хорошо помню, как бабушка делала уборку, и готовила ужин, и следила за тем, чтобы все были одеты и накормлены. Она была замечательной.

Сложилось ощущение, что мальчиков бабушка любила больше, чем девочек, и ее сыновья, возможно, никогда не были обделены вниманием. Может быть, маме и не нравилось, что, когда я был мелким, бабушка относилась ко мне со всей душой, теплом и любовью. Глядя на это, мама ко мне охладела.

Об отце я знал лишь то (помимо того, что он был стилигой и именно так они с мамой и познакомились), что звали его Дон Джарвис и он был боксером-любителем из Фулхэма. Это единственное, что мне рассказывала мама. Думаю, до меня быстро дошло, что она не горит желанием говорить на эту тему, хотя помню, что ходил с ней в здание какого-то суда, будучи совсем мелким, и мама надеялась получить от отца хоть какие-нибудь деньги. Вряд ли ей это удалось, потому что они не были женаты, и, выйдя из здания суда, мама начала ныть, жаловаться и причитать.

У нас в семье вообще любили понуть, но и смеялись мы немало. Дед был старым угрюмым придурком, но забавным. Сажал к себе на колени – это было нормально, никаких пошлостей – и затягивался папиросой, а потом держал ее прямо у меня перед лицом. Я обожал этот запах. Вдыхать дым было невероятно круто, непередаваемые ощущения, когда ты еще ребенок. Когда дед клал эту штуку обратно в комод, я кричал: «Где ма папироска? Где ма папироска?» Самокрутка была у деда не для особого случая, а на *все* случаи жизни.

Теперь я понимаю, что это, возможно, и стало причиной моей первой зависимости. Не думаю, что мне нравился только никотин – скорее, то, что дедушка выдыхал дым, поскольку знал, что мне нравится за этим наблюдать. Как бы там ни было, я реально постоянно требовал папироску, и довольно скоро перешел на пачку Players No. 6, как только стал старше и смог покупать себе сигареты (правда, сначала попробовал «Голуаз», так как слышал, что их курит Ронни Вуд¹³; классные крепкие сиги). Спустя несколько лет, сидя на героине, я выкуривал пять пачек в день. Когда ты под дурью, то куришь больше. Как будто одной сраной наркоты недостаточно.

Разумеется, сегодня мало кто из предков рекомендует своим отпрыскам ходить с сигаретой во рту, но для меня это было неотъемлемым атрибутом счастливой и беззаботной юности. Отличные времена. И пусть маму нельзя было назвать сильно заботливой, но, мне кажется, на той стадии ладили мы вполне нормально. Однажды она купила мне совершенно новые «Теско» – дерьмовые джинсы – и парусиновые кеды а-ля Converse. Если я вдруг получал новые шмотки, радости не было предела: как только я надевал свежее тряпье, то пребывал на седьмом небе от счастья и чувствовал, что теперь могу идти по кварталу, высоко задрав нос.

---

¹² Пудинг из сала – это вареный, приготовленный на пару или запеченный пудинг из пшеничной муки и сала, часто с панировочными сухарями, сухофруктами, такими как изюм, другими консервированными фруктами и специями.

¹³ Рональд Дэвид Вуд – британский музыкант цыганского происхождения, в первую очередь известный как участник групп The Rolling Stones и The Faces.

В нашем районе реально чувствовался дух коллективизма. На углу находилась пивнушка, а рядом – магазин спиртных напитков, и, когда мы сдавали бутылки лимонада R. White's, чтобы немного заработать, я садился возле паба и с улицы слушал, как парень играет на пианино. Это один из первых случаев, когда я осознанно стал воспринимать музыку, хотя в будущем их будет довольно много (и не всегда осознанных).

Еще я любил ходить на утренний сеанс в кинотеатр ABC, находящийся буквально за углом на Кинг-стрит, чтобы посмотреть «Коммандо Коди» и другие мудацкие субботние сериалы. Я предпочитал последний ряд, потому что так чувствовал себя комфортнее и не хотел сидеть рядом с остальными ребятами, и мне почему-то нравилось, когда в перерыве между фильмами в зал выходил мужик и спрашивал: «Ну что, детки, как вам?» Затем все шли домой, а на следующей неделе тебя ждал космический корабль, который держался на едва видимых нитях.

То были одни из счастливейших дней в моей жизни. В районе я завел себе несколько друзей и пошел в начальную школу Флора-Гарденс в Парке Рэйвенскорт¹⁴ в конце улицы. Бабушка и дедушка во мне души не чаяли. Все было хорошо.

Думаю, я бы все равно стал алкоголиком, даже если бы у меня было другое воспитание и я бы остался с бабушкой, уплетая ее стейк пироги с почками¹⁵ до тех пор, пока не смог бы уйти из дома и жить самостоятельно. Среди мужчин в семье было несколько жестких алкашей, поэтому с первых же дней меня наградили дурной наследственностью. Как говорится, гены сильнее воспитания. Их пальцем не заткнешь. Это никак не связано с теми событиями, которые произошли в моей жизни, просто я такой или, по крайней мере, так считаю. Но вряд ли бы Sex Pistols когда-нибудь появились – во всяком случае, без меня, – если бы не дальнейшие мои приключения. Помимо всего прочего, я бы не стал отчаянно стремиться к лучшей жизни, если бы меня все устраивало.

---

¹⁴ Парк Рэйвенскорт – это политическое подразделение лондонского района Хаммерсмит и Фулхэм, примерно соответствующее парку и территории поместья Парк Рэйвенскорт.

¹⁵ Стейк и пирог с почками – популярное британское блюдо. Это пикантный пирог, наполненный в основном смесью нарезанной кубиками говядины, нарезанных кубиками почек и лука. Его содержание в целом похоже на содержание бифштекса и почечного пудинга.

Глава 3. Вонь от резины

В общем, я наслаждался детством, выглядывал из окна на эстакаду Хаммерсмит, никого не трогал, как вдруг появляется этот тип, и жизнь принимает тяжелый оборот. Звали его Рон Дамбагелла, и, кажется, мама познакомилась с ним на работе. Она сменила несколько подработок. Помнится, работала «телефонисткой» – на самом деле протирала в офисах телефоны от харчи, и вряд ли это доставляло ей удовольствие. Но потом нашла нечто более постоянное на фабрике по производству резиновых компонентов – не знаю, для обуви или кухонных плит. Может быть, и для того, и другого.

Как бы там ни было, спустя некоторое время ее перевели в мастерскую поменьше под арочными сводами, прямо рядом с Флора-Гарденс, моей первой школой. Думаю, этот мужик заправлял тем местом, и помню, что они с мамой всегда работали там одни, потому что как только начали встречаться, мама мне гордо заявляла: «Рон – наш начальник», а я думал: «Чей – ваш? Там, кроме вас двоих, никого больше нет!» Но пришлось спросить об этом тетюшку Фрэнсис, потому что с мамой мы не общались несколько лет, а я хотел убедиться, что ничего не привираю и все говорю как есть. Фрэнсис сказала, что там были и другие работники. По-видимому, старик Рон (а он был стариком – почти на десять лет старше мамы) имел репутацию человека, «флиртующего» со своими сотрудницами.

Мне придется во всех подробностях рассказать о том, что произошло в течение следующих нескольких лет, и кое-что из этого, возможно, будет тяжело и не очень приятно читать тем, кто к этому причастен. Но хочу с самого начала сказать, что делаю это не для того, чтобы выставить маму в дурном свете. Мне совершенно не интересно поливать ее грязью (другое дело – мой отчим). Я понимаю, что жизнь у мамы была не сахар. Она родила меня совсем юной – ей и двадцати не исполнилось; отец бросил ее еще до моего рождения, и она, может быть, заведомо поставила на себе крест, посчитав, что вариантов у нее немного, поэтому я понимаю, почему она, возможно, понизила планку. Наверное, думала: «Кому я теперь с ребенком нужна? Женщина с прицепом, и лучше мужика я все равно не найду». Мама не была глупой серой мышью. Наоборот, весьма современной женщиной – красила волосы в пепельно-белый, да и буфера у нее были огромные, – Рон, наверное, поверить не мог своему счастью.

Впервые я почувствовал что-то неладное, когда мы с мамой шли в школу по Кингс-роуд – обычно она отводила меня туда по дороге на работу – и вдруг мы остановились на перекрестке. Не скажу точно, произошло это на самом деле либо с годами мне стало так казаться, но помню, как от ветра задрался мамин плащ, и мне показалось, что под ним ничего нет – ну, может быть, чулки, но юбки не было. Я потом вспоминал этот мимолетный эпизод и, став старше, задавался вопросом: а может быть, они там на работе развлекались? Однако на тот момент мне было всего шесть, но скоро весь мой мир накроется медным тазом.

Не успел я опомниться, как этот мужик Дамбагелла приперся к нам домой. В квартиру бабушки он никогда не приходил, но, видимо, мама хотела найти себе нового мужика еще и для того, чтобы жить отдельно и побыстрее съехать. Поэтому пришлось распрощаться с беззаботным детством в компании любимых бабушки и дедушки и начать дерьмовую жизнь в однокомнатной подвальной квартире на Бенбоу-роуд, 15, в Шепердс Буш. Находилась она не дальше, чем в паре километров от моего прежнего жилья – даже школу менять не пришлось, – но тогда казалось, что мы переехали на другой край света.

Отвратительное место. Мрачное, сырое, ужасное, и я спал на ебаной раскладушке у изножья кровати, на которой дрыхли мама с Роном. Сортир располагался на улице, и, когда в гостиной ставили оловянную ванну, первой в этой грязной воде мылась мама, затем отчим, а потом уже я.

Годы спустя я рассказывал американцам, что значило в то время быть бедным в Британии, но, похоже, до них так и не дошло. Не помню, чтобы у нас был холодильник или телевизор, даже душа ни у кого не было, а горячую воду наливали в умывальник с висевшим над ним бойлером Ascot. Ты вставлял деньги в счетчик, чтобы включить радиатор, а большинство жителей выламывали замочек и продолжали совать одни и те же 10 пенсов. Помню, когда в конце 1970-х я впервые поехал в Америку, мне казалось, что даже бедняки, которые находились на самом дне, принимают как данность то, что я всегда считал роскошью.

В нашем районе было нормой закрывать глаза на периодическое воровство. Если люди с трудом сводили концы с концами и могли что-нибудь время от времени украсть, но при этом не попасться, может быть, на них и смотрели косо, но никто не имел к ним никаких претензий. Все мы жили на прожиточный минимум – одним словом, были бедны как церковные мыши. И теперь я понимаю, почему, когда вся семья ездил в супермаркет Tesco на Кинг-стрит, я иногда видел, как под куртку или пальто запихивали продукты. Может быть, в доме ничего не осталось на ужин и это единственный способ прокормить семью. Однако в то время я этого не понимал. Может быть, потому что никто это не обсуждал, и я думал: «Какого черта здесь происходит?»

А бывало, в Tesco устраивали какие-нибудь конкурсы – на весь магазин по громкой связи объявляли номер, и, если повезет, можно было выиграть приз. Не знаю, как так получилось, но мама с Роном, видимо, кого-то знали в магазине, потому что довольно часто слышали свой номер и забирали выигрыш, но почему-то было очевидно, что все подстроено, и другие на них ворчали. Это было похоже на фарс и довольно унижительно, но опять же мне никто ничего не объяснял, поэтому все это сбивало меня с толку.

Нечто похожее произошло в школе Флора-Гарденс, когда нам задали нарисовать картинку и на следующий день принести в класс. Один из братьев мамы – кажется, дядя Барри – нарисовал что-то крутое и сказал: «На вот диржи – завтра покажешь», но когда на следующий день я принес это в класс, учитель сразу же все просек. Барри, конечно, не художник и рисовальщик, но мне было до него далеко. По прошествии лет могу сказать, что из-за этой ситуации мне стало стыдно, но в то время я считал себя чуть хуже остальных детишек в классе.

Дома было то же самое. Я всегда был на вторых ролях, меня вечно задвигали, а мама всячески пыталась сделать так, чтобы Рон был счастлив. Складывалось ощущение, что я с ним соревнуюсь – с отчимом – за то, чтобы удостоиться внимания матери, но я заведомо знал, что мне не выиграть. Я не говорю, что мама наслаждалась властью и положением, но иногда казалось, что происходит именно так. Ребенком не воспринимаешь родную мать так же, как окружающие. Тебе и в голову не приходит, что у нее скверный характер и она просто может творить какую-нибудь херню и косячить, как и все. Поэтому, когда начинаешь понимать что к чему, справиться с этим довольно сложно.

Лишь совсем недавно я начал видеть в ней, как и другие, человека, а не просто маму. Мне бы хотелось знать, что ею двигало и каким было ее детство, но вряд ли она знает, с чего начать, если вдруг зайдет разговор. Я несколько раз пытался начать эту беседу, когда мы все еще общались, но мама очень быстро соскакивала. Если я пытался спросить ее о том, какими родителями были для нее мои бабушка с дедушкой, казалось, ей становилось жутко некомфортно, как будто произошло что-то плохое. Но согласись, если бы все было хорошо, она бы, наверное, с радостью рассказала? Однако в случае с мамой ничего неизвестно.

Она говорила: «Не забудь перед выходом на улицу задницу вытереть и надеть чистые трусы... а то вдруг что-нибудь случится. Не хочу, чтобы врачи потом думали, что у тебя мать нерадивая». И казалось, ее беспокоило только это – не то, что ты попал в неприятность и «в порядке ли ты, сынок?», а главное, чтобы жопа была чистой, и не дай бог кто-нибудь подумает, что меня плохо воспитали. Главное – не выглядеть несурзальной матерью.

Во многом это связано с классическим английским менталитетом: «А что подумают соседи?» Но я всегда отвечал: «Да кого ебет, что они подумают?!» Тем не менее так воспитывался весь британский рабочий класс, и тебе постоянно промывали мозги, объясняя, что ты перед всеми должен извиняться за то, что живешь в этом дерьме. «Просто заткнись и живи с этим, пусть богатые будут богатыми, а бедняки – бедняками. Генрих XVIII живет в замке, а все остальные ползают в своих крошечных грязных бараках».

В какой-то степени появление Sex Pistols положит конец такому мышлению, но даже сейчас я довольно часто впадаю в это состояние. Иногда, принижая свои достоинства и недооценивая себя, я чувствую, как возвращается это мнимое ощущение собственной ущербности – «Ой, да все нормально, буду довольствоваться малым, так как не имею права попросить что-то лучше». Эта дрянь сидит глубоко внутри меня.

О Роне мама рассказывала не больше, чем об отце, – а ничего хорошего про папу она сказать не могла. Только то, что он был конченным мудаком и не платил алименты. Кажется, до знакомства с матерью Рон жил в Восточном Лондоне, и мне почему-то казалось, что у него была дочь, правда, я никогда ее не видел. Позже я узнал, что, начав встречаться с мамой, он все еще был женат, и это вполне объясняет, почему они так и не расписались, хоть и жили вместе, пока несколько лет назад он не умер. Стало быть, они по-своему любили друг друга.

Глядя на его смуглую кожу, черные как смоль волосы и иностранную фамилию, у меня появилось предположение, что Рон, может быть, родом из Италии, а может быть, из Турции или Греции – в нем вполне могло быть что-то греческое, – но об этом мама тоже ничего не говорила. Да не только об этом. Своими поступками и поведением Рон ясно дал понять, что предпочел бы, чтобы меня не было рядом, а он смог бы нормально проводить время с мамой. Я быстро научился не задавать лишних вопросов, потому что совать нос куда не просят, видимо, было не принято. Лишь в последние несколько лет я начал находить ответы на некоторые вопросы, которые ребенок, росший в обычной, нормальной семье, даже и задавать бы не стал.

Мне часто было интересно, что бабушка и дяди думали о Роне, так как мне казалось, что в нашей семье он особой популярностью не пользовался. Поэтому я спросил тетю Фрэнсис, было ли это из-за того, что в семье осуждали внебрачные связи с Роном, и она ответила, что скорее дело в том, что братья с сестрами были не так близки. Еще она сказала, что дед был старым угрюмым дураком, который безвылазно сидел дома, но если ему предлагали сходить на Бенбоу-роуд, 15, то я его понимаю.

Добровольно уж точно никто бы не вернулся в эту грязную хату. Все то время, что я, будучи ребенком, жил с мамой и Роном, ни разу не припомню – прожив несколько лет в подвале на Бенбоу-роуд, мы переехали в квартиру в том же доме, но несколькими этажами выше, а потом уже маме дали муниципальное жилье в лондонском районе Баттерси, – чтобы к ним приходили друзья или родственники. Мне казалось это странным и до сих пор кажется. Я не говорю, что мама с отчимом были как те убийцы с болота¹⁶, но Ян Брэйди и Майра Хиндли, возможно, приглашали гостей чаще.

Мастерская над железнодорожными путями, которой руководил Рон, была еще хуже. Безусловно, вины Рона и мамы в этом не было – они там работали явно не ради удовольствия, – но я терпеть не мог туда мотаться, хотя иногда приходилось. Там жутко воняло резиной, а из-за арочного свода и кирпичных стен складывалось ощущение клаустрофобии, а еще там стоял огромный агрегат, из которого валил пар, и сама эта штука весь день штамповала резиновые прокладки. Она издавала такой ужасный шум, что никого не было слышно вокруг. Все это напоминало эпизод из фильма «Голова-ластик» (1977).

---

¹⁶ Убийства на болотах – серия убийств, осуществленных Яном Брэйди и Майрой Хиндли в период с июля 1963 года по октябрь 1965 года в районе, ныне известном как графство Большой Манчестер, Англия.

Слабый лучик солнца, пробившийся в мою жизнь во время этого мрачного и депрессивного периода, все же согрел меня в день, когда мне купили собаку. Это был мелкий пес, но звали его Брюси, и мы с ним очень быстро стали близкими друзьями. Охуительная была собака, и он меня реально любил, но однажды я вернулся из школы и больше его не видел. Мама просто сказала: «Ой, да убежал твой Брюси».

Она так и не объяснила, что с ним случилось, поэтому я предположил, что они просто от него избавились, ведь с ним слишком много возни. Мне казалось, что я следующий и произойти это может в любой момент, пока я живу на Бенбоу-роуд. Пару раз так и было.

И здесь провалы в памяти становятся еще больше – видимо, я был настолько расстроен происходящим, что мозг пытался это подавить. Тетушка Фрэнсис ничем помочь не могла, потому что, как я уже упомянул, потеряла с нами связь, как только мы переехали в Шепердс Буш. Позже, уже в подростковом возрасте, меня по различным причинам отправляли в несколько разных учреждений (по большей части это было связано с воровством), и я все очень хорошо помню, но однажды, после того как мы переехали на Бенбоу-роуд, меня отвезли в одно место, и я понятия не имею что – и где – это было и почему меня туда определили. Память ни к черту.

Точно знаю, что находилось это где-то за городом и провел я там около недели. Вряд ли это была какая-нибудь исправительная колония. Скорее, какой-то детдом, так как мама, возможно, не могла за мной присматривать, а другие не горели желанием меня брать, потому что со мной было слишком много мороки. Но не то чтобы я к этому времени уже стал лютым хулиганом – когда меня туда определили, я был еще совсем мальчишкой.

Однако отчетливо помню, когда я туда приехал, в корзине в коридоре лежал выводок котят. Все вы, кошатники, лучше отвернитесь – не хочу уже в самом начале книги настраивать против себя, множество кисок еще не раз окажется в опасности, – но я был пиздец как зол из-за того, что приходилось там торчать, поэтому пытался их душить. Эти бедные мелкие засранцы родились всего несколько дней назад, а уже успели испытать на себе руки психологически травмированного ребенка, хватавшие их вокруг шеи. С радостью могу сказать, что ни один котенок не пострадал, но мне чертовски не хватало Брюси.

Когда ты молод, мозг еще формируется, и когда ото всех изолирован и пытаешься к кому-то привязаться – пусть даже это всего лишь животное, – а потом тебя этого лишают, бесследно такое не проходит. Вдруг ощущение того, что ты что-то значишь, просто исчезает, и уже ни на что не надеешься. Когда шрам затягивается, он становится шершавым. Неудивительно, что я не мог начать нормальные отношения с женщиной... хотя об этом пока рано.

Чувствуя себя жалким ущербным говном, я стал еще больше отставать в школе и скатываться. Читать и писать я все равно не умел. Когда открыл для себя детские комиксы с небольшими историями вроде *The Hurricane* или *The Topper*, приходилось довольствоваться лишь картинками. Но чем больше я становился несчастным, тем больше страдал херней – до тех пор, пока в конечном счете меня не оставили на второй год за неуспеваемость.

Сегодня у меня бы, возможно, довольно быстро выявили дислексию и/или СДВГ¹⁷, но тогда не существовало такого понятия, как «ребенок с отклонениями в развитии». Ну, по крайней мере, в тех школах, куда я ходил, никто не пытался найти ко мне индивидуальный подход. Полагаю, я выглядел вполне обычным ребенком. Может быть, чуть более придурковатым, чем остальные. Дело в том, что слова, которые я читал на бумаге, тут же вылетали из головы. Даже сейчас, уже будучи взрослым, сколько бы я ни пытался научиться нормально читать и писать, по-прежнему не могу сосредоточиться – то есть мозг, вместо того чтобы воспринимать прочитанную информацию, начинает думать о носках или еще какой-нибудь херне.

---

¹⁷ Синдром дефицита внимания при гиперактивности.

Я никогда не хвалился тем, что за всю жизнь не прочитал целиком ни одной книги. Всегда этого стеснялся и чувствовал себя неловко, и это еще одна причина, по которой на уроках я не мог сосредоточиться ни одной ебаной секунды. После всех этих нелепых ситуаций мне стало проще найти способ абстрагироваться от реальности, нежели столкнуться с ней лицом. Никто не говорил: «Может быть, у него дислексия». Ни в школе, ни, разумеется, дома, где от меня и так уже не ждали ничего хорошего в плане оценок и успеваемости. Видимо, учителя считали, что мой удел – заниматься херней и попадать в неприятности, что я и делал. Не думаю, что они предвзято ко мне относились, просто то, чему они обучали, мне на хер не сдалось. Я не имел к этому никакого отношения.

Глава 4. Педофил в подземном переходе

Прямо перед нашим переездом на Бенбоу-роуд со мной приключилось пару странных ситуаций, о которых я забыл тебе рассказать. Любой, кто думает, что эта книга пока больше напоминает «Мэри Поппинс», – что ж, вот теперь начинается жесьть в стиле Дэвида Линча¹⁸.

Наряду с более знаменитыми достопримечательностями района Хаммерсмит – кинотеатр «Одеон», танцевальный зал «Палаис», эстакада, мост и Бродвей – еще одним резидентом нашего района был местный педофил. В каждом районе такой найдется (и обычно, к сожалению, не один). Полагаю, каждый «патрулирует» свой участок так же, как городские лисы, и территория этого типа охватывала даже Шепердс Буш, который потом станет значимым местом... поэтому просто возьми этот «зловещий факт» себе на заметку.

Однажды – и произошло это, когда я все еще жил в Риверсайд-Гарденс, потому точно знаю, что мне было не больше шести, – какой-то парень пытался заманить меня в подземный переход под эстакадой Хаммерсмит. И не конфетами и шоколадками, как говорилось на плакатах «не доверяйте незнакомцам». Этот извращенец вырывал страницы из каталога женского нижнего белья и бросал их передо мной, как бы оставляя за собой след, – как ебанные хлебные крошки в сказке «Гензель и Гретель»¹⁹.

Я часто задавался вопросом: «Откуда он знал, что я клюну?» Не стоит забывать, что я жил в доме у бабушки и горя не знал. Со мной еще не приключилось ничего плохого, и я только пошел в школу. По сути, я все еще был невинным ребенком. Однако этот тип почему-то не сомневался, что я пойду за ним. Может быть, от одних детишек исходит больше сексуальной энергии, чем от других, и они меньше уязвимы перед хищниками. То есть ощущение, будто на тебе особенная метка, которую видят только они.

По той или иной причине я был одним из таких детей. Мне следовало бы задуматься: «Почему этот стремный тип вырывает страницы из журнала и кладет на ступеньки?» Но в сексуальном плане я уже был развит не по годам, поэтому мне стало жутко интересно. Я отчетливо помню, где это произошло: на ступеньках под эстакадой в сторону Чизика, если идти к Темзе. Он пытался победить меня на моей же территории и вывести из зоны комфорта.

Я не хотел с ним идти, но не терпелось схватить фотки телочек, от которых я по непонятным мне причинам возбуждался. Я последовал за ним в переход, оказавшись в темноте, а затем – и я очень хорошо это помню – в дальнем конце тоннеля увидел за его спиной свет от противоположного выхода. Тоннель был недлинным, проходил под дорогой, но я видел, как этот тип поднимается по ступенькам, и просто подумал: «Да ну на хер, пойду-ка я домой». Я твердо решил остаться на своей территории, и надо ли говорить, что это было очень верным решением.

Приблизительно в то же время со мной приключился еще один странный случай. И опять мы все еще жили с бабушкой, поэтому я пока не познал ни бед, ни горя. Но как-то раз я играл во дворе с детворой, как вдруг незнакомая девчонка – не сильно старше меня – сняла трусики. Может быть, у нее были проблемы дома или для некоторых детишек шести лет такой эксгибиционизм вполне считался нормой. Не знаю. Одно скажу точно – отреагировал я совсем не так, как остальные дети. Она опустила трусики, и я увидел ее маленькую мерзкую задницу. Остальные дети, смеясь, убежали, а я просто стоял и глазел на нее. Язык проглотил – это было чертовски сексуально. Она сама стояла не двигаясь. Мы не трогали друг друга, но я стоял,

---

¹⁸ Дэвид Кит Линч – американский кинорежиссер, сценарист, художник, музыкант, фотограф и актер. Является представителем американского независимого кинематографа.

¹⁹ Немецкая народная сказка, записанная и изданная братьями Гримм. История о юных брате и сестре, которым угрожает ведьма-людоедка, живущая глубоко в лесу, в доме, построенном из хлеба и сладостей. Эти дети, попав к ведьме, спасают свои жизни благодаря находчивости.

будто в трансе, так долго, что, когда наконец пришел в себя, какой-то наглый пизденыш успел угнать мой велик.

Позже, когда я анализировал свою жизнь и пытался понять, каким образом мое воровство связано с чувством возбуждения, оказалось сложно забыть тот случай с девочкой во дворе. Но все это сидит очень глубоко во мне, и, как только решаешь копнуть, пытаюсь понять, что к чему, приходится быть осторожным, чтобы не прийти к очевидным выводам. Терапевты любят затрагивать такие темы и говорить, что из-за этого все беды, но жизнь не настолько проста. Один сраный проныра даже предположил, что в последующие годы я столько напииздил, пытаюсь восполнить потерю велика!

Не надо быть Шерлоком Холмсом, чтобы понять, почему я таким стал. А был еще случай на качелях на школьной площадке. Я качался, а вокруг меня стояли девочки и смеялись. Девчонкам я вообще нравился, потому что был милым, даже притом что в их присутствии жутко стеснялся – пока не открыл для себя алкоголь. Но я, безусловно, был одним из крутых парней, поэтому не привык, когда надо мной глумятся. Понятия не имею, почему они смеялись, а потом до меня дошло – из шорт торчал член. Мне стало ужасно стыдно и неловко, потому что я не знал, как заставить их прекратить смеяться. Разумеется, потом-то, с годами, я узнаю как, но до этого еще несколько лет.

Был еще один случай подобного рода, о котором я, видимо, должен буду сказать, хотя не хотелось бы. Но я ведь стараюсь честно рассказывать о прошлом – все или ничего. Мы с мамой шли по главной улице Хаммерсмита. Казалось, уже наступила ночь или, может быть, ранний зимний вечер, а мне тогда было лет семь или восемь. Так или иначе, магазины закрыты. Но где-то на Кинг-стрит мама остановилась возле магазина нижнего белья, чтобы посмотреть товары на витрине. Особо не думая, мама толкнула переднюю дверь, и оказалось, что продавцы, уйдя домой, ее не закрыли. Внутри никого не было, поэтому все, что она себе обычно не могла позволить, можно было забрать в хорошие руки. Мама реально удивилась и пребывала в восторге – помню, она сказала: «Ни хера себе!» – да, не просто поглазеть зашла, как обычно.

Не нужно быть телочкой-психиатром из сериала «Сопрано», чтобы понять, что внимание со стороны мамы, ее брань, нижнее белье на витрине и чувство возбуждения оттого, что можно просто взять что хочешь и уйти, оказало определенное воздействие на мое половое созревание. Но если говорить о мутных водах, то мне еще предстоит поймать в этом грязном пруду огромную щуку.

Забудь про педофила в переходе. Нередко стоит опасаться именно того, кто живет с тобой под одной крышей. По крайней мере, в моем случае было именно так. Мы уже несколько лет жили на Бенбоу-роуд, и вдруг отчим стал ко мне приставать. Мне было лет десять или одиннадцать, потому что к тому времени мы уже переехали на несколько этажей выше, в более просторную квартиру, с туалетом и ванной комнатой. По сути, мы постепенно начинали жить как нормальные люди, правда, мне так не казалось.

Когда это произошло, мама лежала в больнице. Насколько я помню, у нее случился выкидыш, и ей пришлось некоторое время провести в палате. Не уверен на сто процентов, что было именно так, но что-то припоминаю. Не знаю, сколько мы жили вдвоем с отчимом. Фрэнсис думала, что меня на это время отправили в детдом, но если и так, то уже после того, что сделал со мной этот озабоченный мудака.

Однажды ночью Рон лежал в кровати и вдруг позвал меня к себе. Он меня, в общем-то, и не замечал, только если ему совсем уж не приходилось это делать, но, когда обращался ко мне напрямую, обычно становилось немного не по себе. Поэтому я не собирался ему отказывать, пусть даже не было причины думать, что из этого выйдет что-то хорошее (и оказался прав). Короче, не успел я зайти к нему в спальню, как он стал силой просить меня ему подрочить. А я ведь совсем мальчишка. Откуда мне, блядь, знать, как это? Я понятия не имею, что происходит, но в доме только мы вдвоем, и похоже, других вариантов нет – остается сделать так, как он

хочет. И я начинаю дрочить – дергаю его член, пока он не кончает, а все это время отчим зловеще нависает надо мной и говорит, что делать.

Сразу же после этого я был озадачен, и произошедшее казалось мне... странным. Но последствия случившегося по-прежнему со мной – а прошла уже половина века! Долгие годы я никому не говорил, и даже написав об этом сейчас в книге, чувствую себя ужасно неловко. Но, зная, какую моральную и психологическую травму нанес мне этот случай, хочу сделать все от меня зависящее, чтобы любой, кто оказывался в подобной ситуации, знал, что он не один.

Очевидно, у Рона было не все в порядке с психикой – каким надо быть извращенцем, чтобы заставить делать такое десятилетнего ребенка?! Разумеется, я ни разу не почувствовал, что он хоть как-то раскаивается. Я задавался вопросом, а делал ли он то же самое с другими детьми, но внутренний голос ответил, что, наверное, нет. Он ведь таким образом демонстрировал свою силу перед мамой – типа такой альфа-самец, как на зоне, и когда ему подвернулся шанс меня опустить, он это сделал. Больше он не пытался, но если целью было просто меня таким образом сломать – у него получилось, поэтому больше, видимо, ему это было неинтересно.

Отчим всегда хотел избавиться от меня, чтобы я не мешал им с мамой, и теперь он практически своего добился. С того самого момента я больше не желал находиться дома. Чувствовал тревогу. Не сказать, что я был в опасности – просто пугало его присутствие, от чего он, похоже, только кайфовал. Полагаю, когда взрослый, который вроде бы как должен за тобой присматривать, творит подобную херню, раз и навсегда меняешь свое отношение к людям.

Совращенный ребенок, которому не с кем поговорить, зачастую будет думать, что сам виноват в произошедшем, пусть даже в глубине души он понимает, что это не так. Вот так было со мной. Другая обычная реакция – разозлиться и закатить истерику, и это я тоже делал – может быть, не так, как ты себе представляешь.

Помнишь местного педофила в начале главы? Что ж, четыре-пять лет спустя он ошивался в том же районе и лип ко мне как банный лист, воспользовавшись моим смятением. Я наткнулся на него вскоре после случая с отчимом, и он начал рассказывать мне сказки про белого бычка, а я не упустил шанс и дал ему в рот за деньги. Разве это не странно? Теперь я живу по другому почтовому адресу, но этот чертов педофил по-прежнему умудряется меня найти. Этот уебок, видимо, обладал каким-то невероятным чутьем и видел, что я сбит с толку, а следовательно, достаточно уязвим, чтобы повестись.

Не то чтобы я теперь носил значок с надписью: «До меня только что домогался отчим», но такие события конкретно ломают все представления о нормальном. Как только это произошло один раз, есть большая вероятность того, что подобное случится снова, потому что с тех самых пор внутренний голос говорит тебе, что именно такое поведение считается нормой.

Мне к тому времени еще не исполнилось одиннадцать – может быть, только десять, но, как бы там ни было, я по-прежнему учился в начальной школе Флора-Гарденс. Случилось это на лестничном проеме возле автозаправки на Голдхок-роуд в Шепердс Буш. Тот педофил стремился у меня отсосать, а сам в это время еще и пытался себе передернуть. Он-то, естественно, считал это половым актом, но я так не считал. Мне еще было маловато годиков, чтобы эякулировать, даже если бы я почувствовал возбуждение.

Не знаю, что потом с ним стало – закрыли его за такое дерьмо или нет, – но все в районе знали, кто он такой. Уже позже, когда я подружился с Полом «Куки» Куком, оказалось, что он тоже о нем знал, правда, я никогда не рассказывал Полу о своих приключениях. Да я, если честно, никогда не говорил об этом на публике – и едва ли кому-то при личной беседе. Можно сказать, ты стал очевидцем сенсационного признания.

Приходилось о многом умалчивать, а мне было всего лишь одиннадцать. А если учесть, что я еще и читать да писать толком не умею, неудивительно, что в средней школе у меня не

задалось. Я пришел в общеобразовательную школу для мальчиков имени Сэра Кристофера Рена на Блумфонтейн-авеню в Уайт-Сити, и меня сразу же определили в класс дебилов.

Но мое главное опасение на тот момент было у меня в штанах. Я почему-то стал одержим унижительной идеей, что у меня маленький член и на лобке не растет мотня. В подростковый период тело каждого подростка развивается индивидуально. И я уж точно с самого начала не был половозрелым юношей, еще больше напрягало то, что я был на год старше остальных. В душевой я видел ребят с большими болтами и волосатыми лобками и считал себя каким-то недоразвитым идиотом. Меня настолько беспокоил этот вопрос, что становилось не по себе при мысли о том, что после физкультуры придется вместе со всеми идти в душ. Я до смерти боялся, что кто-нибудь увидит мой стручок. Доходило до того, что я принимал душ, не снимая трусов, а всем говорил, что у меня раздражение, вместо того чтобы трезво взглянуть на ситуацию.

Разумеется, все это было лишь самовнушением. Если бы я встал под душ, показав, как и все вокруг, свою сосиску и два сырых яичка, никто бы мне не сказал: «Ха-ха, только взгляни на себя!» Но, полагаю, таким образом я лишь показывал, насколько сильно заиклен на этих деталях, и фактически занимался саморазрушением. Не сказать, что я был одним из задротов. Возможно, мои коллеги-пловцы, находящиеся со мной на дне, решили бы, что я современный чувак и в теме, и, будь ты сейчас здесь, рядом со мной, я бы с радостью показал тебе член, чтобы ты убедился, что он как минимум нормального размера – если не сказать весьма внушительного.

Теперь-то я понимаю, что стыдился собственного тела, вероятно, из-за случая с отчимом, а потом и встречи с педофилом. Но тогда мне и в голову такое не могло прийти. Как бы там ни было, учеба накрылась медным тазом. В понедельник я приходил в школу и думал: «Блядь, через пять дней придется идти в душ», и любой малейший шанс сконцентрироваться на том, что происходит на уроке, тут же улетучивался.

В итоге все это привело к тому, что я начал комплексовать. Случай с насилием лишили меня возможности быть на равных с остальными. Я чувствовал себя неудачником. И казалось, что от этого ощущения не убежать ни в школе, ни, разумеется, дома, и все то дерьмо, которым с тех пор я стал заниматься – воровать, бухать, принимать наркотики, трахать телок, – фактически было попыткой избавиться от чувства дискомфорта. Я просто искал способ почувствовать себя хорошо и комфортно, и мне было плевать, если я кому-то при этом делал больно.

Был бы я паинькой, если бы отчим не протянул мне «руку помощи»? (Ну, на самом деле, руку помощи ему протянул я, если ты понял, о чем я.) Возможно, нет. Но я и прежде не был отпетым хулиганом. Если я что-нибудь и подрезал, то какую-нибудь мелочь – не сравнить с тем юным преступником из Западного Лондона, которым я скоро стану.

Я часто задавался вопросом: а было бы все иначе, если бы я смог рассказать всем, что со мной случилось? Мама понятия не имела – Рон, ясен хер, не собирался ей трепать, и не то чтобы я пытался ей об этом рассказать, а она меня затыкала. Возможно, заткнула бы, но я совершенно точно не могу ее винить, когда и сам не дал ей шанса доказать, что это неправильно. Я знаю, с тех самых пор она заметила перемену в моем настроении, потому что упомянула об этом в интервью, которое несколько лет спустя давала для книги про Sex Pistols, но сказала лишь, что я «казался каким-то чересчур расстроенным» из-за того, что у нее случился выкидыш. Ох, если бы все было так просто, мама!

Не буду отрицать, что многие годы был сильно зол на маму и отчима, но сейчас не испытываю к маме ненависти. Если бы я не встал у нее на пути, она бы, возможно, нашла кого-нибудь получше, чем Рон. Ведь одинокой женщине с ребенком выбирать не приходится – берешь что есть, разве нет? И вот появился этот мудака, и она им довольствовалась – я ее за это не виню. И если бы у меня было безопасное укрытие, где я мог бы зализать раны, то не появилось бы мотивации и желания отправиться на поиски приключений, чтобы забыть весь этот кошмар.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.